

Глубокоуважаемые коллеги!

Библиотека Российской академии наук

приглашает Вас **16 ноября 2016 г. в 11-00** принять

участие в семинаре

**«Славянские рукописи XVI века – от описания к
исследованию»**

Ведущая:

М.В. Корогодина (БАН)

Докладчики:

А.А. Турилов (Институт славяноведения РАН)

**«Сводные каталоги славяно-русских рукописных книг:
перспективы формирования»**

М.В. Корогодина (БАН)

**«Описание рукописей XVI века БАН: нерешенные
вопросы»**

Л.В. Мошкова (РГАДА)

**«Описание рукописей XVI века: опыт современного
археографа»**

Место проведения: Читальный зал Славянского фонда БАН

ТЕЗИСЫ

А.А. Турилов

(Институт славяноведения РАН)

Сводные каталоги славяно-русских рукописных книг: перспективы формирования

Наиболее значительные отличия в структуре и в наполнении описательных статей СК XIV от СК XI-XIII были сформулированы во вступительной статье к вып. 1 первого из них. Исходно задачей для рабочей группы СК в рамках Археографической комиссии являлось не только составление каталога рукописей XIV в., но и обязательное исправление недостатков тома, вышедшего в 1984 г. (прежде всего в отношении датировок) и дополнение его описаниями рукописей, в нем не учтенных. Несмотря на публикацию двух обширных приложений к вып. 1 СК XIV, эта работа не является законченной (для вып. 2 подготовлено приложение с исправлениями и уточнениями объемом около 2, 5 п.л.) и будет окончательно завершена лишь с выходом в свет вып. 3. Только в процессе подготовки вып. 1 СК XIV выяснилось, что в ПС XI – XIV в большинстве случаев не вошли рукописи, датированные XIV веком в справочнике Н.П. Лихачева (исключение составляют рукописи из собраний ГБЛ / РГБ). Недостатки, разумеется, есть и у изданного тома СК XIV, но уверен, что их на порядок меньше, чем у СК XI-XIII. К слову сказать, три четверти (если не больше) этой факультативной работы по улучшению проделал один человек – автор этих строк.

Выпуски СК XIV не равны друг другу по числу номеров входящих в них рукописей: второй (Маргарит – Псалтырь толковая) будет меньше первого, а третий, включающий сборники, еще меньше, но приблизительно одинаковы по объему за счет расписываемого содержания. Материалы для вып. 2 в основном собраны (включая зарубежные хранилища), но нуждаются в редактуре для издания. Исключения (не более 10-12 рукописей) составляют несколько Октоихов в РНБ и несколько кодексов в Архиве СПБНИИ и РГИА. Ситуация с вып. 3 бесспорно хуже, и это во многом связано с необходимостью постатейной росписи сборников, имеющих порой весьма дробное членение.

В отношении перспектив средней дальности в работе над сводными каталогами славяно-русских рукописных книг нужно думать о каталоге XV в., поскольку в отношении богатства литературного репертуара это столетие является ключевым для восточнославянской рукописной традиции от ее истоков и до конца названного столетия. Учитывая огромный объем этого рукописного фонда уместно не повторять опыта предшествующих сводных каталогов, а подумать об организации работы по региональному принципу – Москва, С.-Петербург (излишне говорить, что в этих городах сосредоточена подавляющая часть рукописей), собрания провинции. Формы организации выпусков для столичных городов могут варьироваться по желанию исполнителей. Вполне возможны отдельные выпуски по крупным и средним хранилищам (примером может служить каталог РГАДА 2000 г.) и сводные / сборные по малым.

М.В. Корогодина (БАН)

Описание рукописей XVI века БАН: нерешенные вопросы

Работа по описанию славянских рукописей первой половины XVI в. в БАН началась в 2015 г. Изначально предполагалось, что таких рукописей будет около 400, из них примерно 100 уже имеют печатные описания. Целью было представить сведения, прежде всего, о неизвестных рукописях – пусть даже это будут сведения краткие.

Однако в самом начале работы пришлось существенно корректировать замысел. Во-первых, для того, чтобы отобрать 400 рукописей первой половины XVI в., нам было необходимо датировать около полутора тысяч рукописей, отнесенных в описях к XVI – первой половине XVII в. При этом часть рукописей, имеющих печатные описания, оказалась фактически недатированной, так что нам поневоле пришлось обращаться и к тем рукописям, которые, как мы думали, потребуют минимальной работы.

Во-вторых, очень быстро стало ясно, что описывать кратко сложнее, чем описывать постатейно. Изначально предполагалось, что для краткого описания, подобно описанию рукописей Чудова монастыря или первым выпускам описания собрания М.П. Погодина, достаточно будет характеристики текста, которая в целом позволит читателю понять, следует ли ему обращаться к этой рукописи. Однако в слишком многих случаях краткая характеристика, при отсутствии заглавия и инципита, не позволяет понять, о каком именно тексте идет речь; поэтому очень быстро мы столкнулись с необходимостью цитировать заглавие и инципит.

Наконец, одним из самых острых вопросов при описании стал для нас вопрос времени. То, что в описании может быть сформулировано буквально в двух словах («Триодь постная») требовало кропотливого и весьма долгого изучения, необходимого, чтобы не упустить пропущенные или переставленные листы. Это потребовало особого подхода и особого типа описания для каждой книги.

Попытки найти золотую середину при описании рукописей в условиях жесткой ограниченности во времени поставило нас перед рядом вопросов, которые касаются не только настоящей работы, но и в целом подходов к описанию рукописей:

1) Принцип отбора материала для описания и последующая структура каталога: по хронологии, по собраниям, по тематическим группам.

2) Где грань между излишне кратким и излишне подробным (если таковое бывает) описанием? Что является в описании совершенно необходимым, а без чего можно обойтись?

3) Описание сборников устойчивого состава: достаточно ли указания на тип книги, отсылки к изданию или постатейной росписи книги аналогичного состава; или необходимо описание всех глав каждого списка (даже если таких списков множество, и их состав повторяется)? Не достаточно ли отсылки к изданию или описания одного списка с краткой характеристикой всех остальных и указанием на их отличия от эталонного?

4) Где предел обязанности археографа указывать индивидуальные особенности рукописи? Для списков, носящих сокращенный характер, заголовки и инципиты не показывают эту их особенность. Должен ли описатель сравнивать сами тексты и характеризовать их особенности в сравнении с иными рукописями/изданиями?

5) При постатейном описании что считать статьей: все, что выделено киноварным заголовком? Все, что выделено киноварным инициалом? Какова степень подробности описания текстов, состоящих из множества небольших фрагментов, иногда разного жанра или принадлежащих разным авторам? Следует ли во всех случаях придерживаться традиционного описания, включающего заголовки и инципит? Возможно ли использование иных методов описания: характеристика статьи без инципита и описание в таблицах?

6) Должны ли быть пристатейные атрибуции? Библиография? Если да, то насколько полная? И что все же предпочтительнее: расписать лишь по заголовкам и инципитам тексты, оставив читателю самому догадываться, что за ними кроется, или провести по каждому тексту небольшое исследование, предоставив сведения о научном названии текста, посвященных ему исследованиях и его изданиях?

7) В ссылках на издания следует ли указывать только те издания, где текст «в точности такой же», как в рукописи? Или следует давать ссылки на издания иного перевода, иной редакции, иной переработки текста, чтобы дать читателю хоть какие-то сведения о тексте? Не вводит ли это читателя в заблуждение в большей степени, чем помогает ему?

8) Формуляр описания. Степень подробности описания водяных знаков, почерков, переплета. Указания на лакуны (и подсчет объема лакун) и перестановки листов, указание на обрыв текста при лакуне – есть ли в этом необходимость?

Описание рукописей XVI века: опыт современного археографа

«Опыт», да и вообще любые знания не столько передаются, сколько заимствуются, поскольку главное здесь, на мой взгляд, именно желание «принимающей» стороны получить что-то для себя полезное. Поэтому моя задача намного проще – обратить ваше внимание на некоторые вопросы и объяснить, почему я делаю именно так, а не иначе.

Каждый человек обладает только личным опытом, да и вообще действует в соответствии со своими психофизическими особенностями (кстати, их хорошо бы знать и понимать, чтобы результативнее работать). Помимо отмеченных особенностей есть и гендерные различия. Полагаю, что описание рукописей по преимуществу женская работа, хотя лучшие специалисты, знатоки книжности – мужчины. Но они больше ориентированы на научные достижения (т.е. склонны позиционировать себя в первую очередь как исследователей), в то время как в описании очень много рутинной и кропотливой работы, к которой мужчины не всегда готовы.

На самом деле моя точка зрения на описание рукописей всем вам должна быть хорошо известна: она изложена, во-первых, в Предисловии к первому выпуску «Каталога славяно-русских рукописных книг XVI в., хранящихся в РГАДА» и, во-вторых, в «Заметках составителя», включенных во второй выпуск².

Глубокоуважаемая Мария Владимировна сильно облегчила мне жизнь, прислав перечень вопросов, которые предложила осветить в выступлении. Поэтому в первую очередь остановлюсь на них.

1. Принцип отбора материала и структура каталога: по векам, собраниям или тематическим группам рукописей.

В каждом большом хранилище (БАН, РНБ, РГБ, ГИМ) существуют свои традиции описания, уходящие корнями в прошлое. В РГАДА таких традиций не было: начало работы по описанию рукописей можно отнести к 1970-м гг. – времени, когда велась работа по подготовке «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XI-XIV вв.»³. В начале 1980-х гг. (во время «первого служения» в РГАДА) один месяц (!) в году мне было позволено описывать рукописи XV в. Поскольку никакие «традиции» на меня не давили,

¹ Так, например, для Б.Н. Морозова, который и положил начало описанию рукописей XVI века в РГАДА, главным было найти интересное, т.е. сделать «открытие». Именно поэтому им подготовлено так мало описаний (см. Предисловия к первому и второму выпускам Каталога РГАДА).

² См.: Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 1: Апостол – Кормчая. М., 2005. С.8-14; Вып. 2: Лествица – Пролог. М., 2014. С.634-655.

³ Подготовку архивных **описей** по вполне понятным причинам я исключаю: слишком велика разница между ней и каталогом.

за основу были взяты Методические рекомендации, подготовленные Археографической комиссией. Но помимо этого, я всегда воспринимала свою работу как часть огромного проекта: описание рукописных книг, хранящихся в России. И, следовательно, моя малая часть должна быть сделана по нормам и принципам, принятым для Сводного каталога.

Поэтому на заданный вопрос ответчу контрвопросом. **Что вы делаете и зачем?**⁴ Если описание рукописей БРАН, то можно по собраниям, тематике и т.д. Если «Сводный каталог книг XV или XVI в.: рукописи, хранящиеся в БАН», то по хронологии (внутри в алфавите названий).

2. Где грань между излишне кратким и излишне подробным описанием? Полагаю, что излишне краткое называется инвентарь, иногда архивная опись, но никак не каталог. Излишне подробное, вероятно, существует, но я не встречала.

И здесь опять встает вопрос: **зачем** вы это делаете? Если отчитаться в работе перед начальством (как Отдела, так и библиотеки/архива), то можно и архивную опись сделать. Если же ваши старания направлены «вовне», то приходится считаться с интересами пользователей (которых много, и интересуются они разными проблемами). На последний вопрос я давно для себя ответила так: задача каталога – дать понять исследователю надо или не надо ему смотреть конкретную рукопись. Поэтому описание должно давать представление о дате создания, составе, истории книги, ее иллюминации и т.д. Полагаю, что в Методических рекомендациях все это изложено и полно, и правильно. Но смотреть рукописи по его теме исследователь должен **обязательно**, иначе он попадет в зависимость от археографа и: 1. может повторить его ошибки; 2. его исследование не может считаться полностью самостоятельным.

Однако надо заметить, что между исследователем и археографом всегда существует конфликт интересов. Первому, естественно, хочется, чтобы интересующие его вопросы были освещены с предельной полнотой. Второй не может «удовлетворить всех», потому что в этом случае ему придется представлять, **чем еще** может рукопись заинтересовать исследователя. А этот вопрос просто не поддается решению.

3. Формуляр описания.

Водяные знаки – обязательно определять сюжет, чтобы не заставлять читателя гадать, что скрывается под указанным номером.

Почерки. Хорошо бы точно указать листы с каждым, но не обязательно (особенно если для этого надо затратить много времени, а результат сведется только к установлению их числа). Но есть случаи, когда это приходится делать: чередование почерков дает возможность понять, как создавалась книга.

⁴ Вообще рекомендовала бы эти вопросы задавать себе чаще: от ответа на них многое зависит.

Лакуны отмечаются обязательно, и цитаты в местах разрывов приводятся. Не надо забывать, что помимо научной (информативной) любой каталог несет охранную задачу. Подсчет объема лакун – если удастся (по принципу: один, два, несколько). Но не стоит описывать то, чего нет в рукописи⁵.

Перестановка листов отмечается: восстанавливается правильный порядок. Более того, в паре рукописей, содержащих правильный порядок листов, я восстанавливала **правильный порядок текста** (швы проходят на странице), т.к. в антиграфе были перепутаны листы. В одном случае читателю будет все понятно (просто окончание нескольких слов попало не на свое место), в другом, Сборнике полемическом, – не знаю: результат меня не удовлетворил, хотя расписывать состав топографически тоже не лучший выход.

4. Интересно заметить, что среди вопросов, присланных Марией Владимировной, нет одного важнейшего – **о времени**, которое будет затрачено на описание. Возможно, работа в таком «режимном» месте как архив наложила отпечаток на мое восприятие, но время – основной фактор. Помимо этого есть **план**⁶, в котором на описание одной рукописи отводится определенное число дней. И так.

Время подготовки каталога **не безразмерно**, оно должно как-то соотноситься со сроком активной жизни и работы человека⁷. Более того, нельзя работать «в стол». Во-первых, расхолаживает (есть желание схалтурить, отложить доделку «на потом» и пр.). Во-вторых, может сложиться впечатление ненужности работы и появиться ощущение зря потраченного времени (в этом случае тоже не хочется особо стараться). И, в конце концов, эта работа может надоесть!

Абсолютно уверена в том, **что археограф должен видеть и осязать результаты** своей деятельности. И это не обязательно печатное издание: можно красиво оформить и распечатку. А еще лучше широко обнародовать: все возможности для этого сейчас есть!

⁵ Именно этим грешил величайший знаток рукописей Н.Б. Тихомиров, т.к. в его описаниях можно было встретить слова: «в рукописи отсутствует...». Полагаю, о том, что отсутствует, судить сложно (даже если перед нами Евангелие): а вдруг писец пропустил пару-тройку чтений (причины могут быть разные).

⁶ Сейчас на 1 сборник мне отводится 3 дня – это роскошь! Но некоторые работы в плане не отражены, например, подготовка иллюстраций, т.е. оцифровка (хотя часто снимаю кодекс целиком, чтобы легко было снимать вопросы по описанию). Нам часто повторяют, что «архив – это не научное учреждение», т.е. исследование документов не является задачей сотрудников: главное хранение, использование (выставки, ответы на запросы) и подготовка описей. Конечно, начальство «хвастается» каталогами, но их создание – целиком инициатива составителей. Ее в любой момент можно прекратить (как по требованию Счетной палаты запретили проводить через бухгалтерию РГАДА гранты, которые получают сотрудники). Архив – федеральное бюджетное учреждение.

⁷ Сколько лет длится работа по описанию фонда Е.Е. Егорова и РГБ? Она была начата в 1960-х гг. В середине 70-х, по словам А.А. Турилова, считалась практически законченной. В середине 90-х, когда я видела пару папок с рукописными материалами, это была груда описаний, подготовленных по разным принципам (и, что более важно, разного качества). В последние годы над определением филиграней(!; т.е. уточнение датировки) трудилась Т.В. Анисимова. И это еще не конец.

Можно рекомендовать также достаточно четко планировать для каждого человека число рукописных книг, которые надо описать за год или квартал⁸. В БРАН у сотрудников есть годовой план? Как он выполняется – не спрашиваю...

5. Один из базовых принципов, сформулированных мной в предисловии 1 выпуска, – самодостаточность Каталога: «Не допускаются отсылки к другим опубликованным описаниям для раскрытия содержания рукописи по принципу аналогии». Поэтому **«образцовый» список** может быть выбран только **из книг, описание которых войдет в данный том**. Но и в этом случае возможны неожиданные подводные камни. При всем желании свести описание Кормчих только к фиксированию «разночтений» с другим списком это не получалось: в полученном тексте через некоторое время не разобрался бы сам автор! Поэтому пришлось последовательно расписывать постатейно каждую книгу. А вот с Прологами получилось¹⁰.

6. Вопрос о пределе обязанностей археографа, заданный Марией Владимировной, и прост и сложен. Вообще предел археографу устанавливают, во-первых, квалификация (знания), во-вторых, дотошность и усидчивость. Полагаю, что в описании надо отразить все, что увидел (даже если не понял). Не устаю повторять: обычное описание дает ответы на вопросы, хорошее – в придачу к этому ставит их. Возможно, замеченная археографом особенность заставит исследователя задуматься о ее причине.

Сравнивать тексты (для выяснения редакций, особенностей и пр. отличий) археограф **не должен**, но может. Текстология – это уже исследование, а описание это **не исследование** (хотя читатели часто именно этого и ждут). И попробуем задаться вопросом: зачем археографу **специально** определять редакции текста? Потому, что это повысит информативность? Потому, что ему не хочется быть просто археографом, а не дают спать лавры исследователя (который в негласной табели о рангах всегда стоит выше)? Или потому, что не хочется описывать, а надо тянуть время, т.е. чем-то заняться и в чем-то отчитаться? Интересно, почему от работающих над описанием актового материала не ждут сравнения текста Жалованной грамоты царя Ивана IV Троице-Сергиеву монастырю с аналогичным документом, выданным в этот год другой обители? Здесь тоже возможны интересные наблюдения... Некорректное сравнение? Почему? И то и другое – археография, т.е. дисциплина, имеющая общие задачи и цели.

⁸ Мерзкий совет начальству: просить не только краткий отчет (описано ... рукописи), но и распечатку описаний. Стимулирует...

⁹ Каталог XVI века... Вып. 1. С. 9. В его появлении «виноваты» А.В. Горский и К.И. Невоструев: очень уж меня в молодости раздражали слова: «состав сходен с печатной минеей» (цитирую по памяти). С какой минеей и где мне ее взять в 70-е гг. XX в.?

¹⁰ Сейчас думаю, что описание Апостолов и Евангелий можно было бы сократить, но уже поздно.

Но вот что археограф должен сделать, так это изложить свои соображения о процессе формирования рукописи (если он чем-то интересен). Например, ответить на вопрос, когда сборник получил свой теперешний вид. Так, у меня есть Сборники житий и слов, которые в XVIII в. были «переформатированы» в Торжественники (т.е. материалы расположены в календарном порядке). В каталоге они пойдут как Сборники, а не как Торжественники, об изменении последовательности текстов будет написано в *Дополнительных сведениях*. Или есть сборник из двух разновременных частей. Археограф должен постараться ответить, когда объединение состоялось и почему.

Кстати, вопрос, над которым долго билась: что такое конволют? В результате пришла к выводу, что это книга, состоящая из **механически** объединенных частей. Т.е. таких книг немного: антикварные и архивные конволюты XIX – XX вв. Потому что если к псалмам, написанным в конце XV в., присоединили через полстолетия воследование, то это Псалтырь с воследованием: в рукописи хорошо видны цель и задачи добавлений. Или к Сборнику аскетическому приплели тетрадку со сходными текстами (пусть и этого же времени, но добавление сделано позже) – перед нами не конволют. Почему именно археограф должен это объяснить? Да потому, что он это **видит!** Исследователь, нацеленный на изучение текста, просто не имеет необходимых навыков.

Еще археографу хорошо бы попытаться отыскать людей, упоминающихся в записях. Должна сказать, что не так уж мало можно найти, если представлять, где искать. Но пока, думаю, это особенность именно каталогов РГАДА: полезно сидеть рядом с коллегами, занимающимися другими источниками и проблемами.

Искренне уверена, что «рукописника» – элита археографии. «Рукописник» может начать описывать как актовый, так и делопроизводственный материал, для вхождения в тему ему понадобится не так много времени. А вот наоборот – вряд ли. Замечаю, что мои коллеги или боятся рукописей или не понимают их, а описание считают делом слишком муторным и сложным (а иногда и бесполезным¹¹).

7. Что считать статьей при постатейном описании. Все, что выделит в качестве таковой археограф (инициалы здесь имеют вспомогательное значение, да их иногда и не бывает). Конечно, про «крупные» тексты все понятно¹². А что делать с «лапшевидной нарезкой»? Совершенно ясно, что расписать все по инципитам – дело долгое, но возможное (полученный результат может приближаться к изданию текста). А теперь зададимся вопросом: зачем это делать и что это даст (ведь временные затраты должны

¹¹ Этим особенно грешит наш заместитель директора Ю.М. Эскин, т.к. несколько раз слышала от него заявления: «И кому эти рукописи нужны?».

¹² Хотя и здесь возможны варианты. Например, входят ли чудеса святого в состав Жития или перед нами следующий памятник – Сказание о чудесах. Бывает по-разному. Я часто ориентируюсь на доксологию, хотя и не только на нее (например, на стилистику текста).

окупаться полученным результатом). Боюсь, что подобная лапша в сборниках достаточно вариативна (если не уникальна). Выхожу из положения так: выделяю «в лапше» тематические блоки, каждый из них описываю по первому инципиту, потом добавляю число статей. Например, [Выписки из Патерика]: [о молитве] (нач.: «Рече авва Серапион...»; 7 статей) – л.23; [о чтении книг] ... Но вариантов здесь, как вы понимаете очень много. И, более того, все предусмотреть нельзя. Поэтому еще раз напоминаю о базовых принципах, которые должны быть сформулированы **перед** работой по описанию.

8. Описание содержания разных типов книг может иногда создавать проблемы, но и здесь надо руководствоваться выработанными базовыми принципами. Вероятно, вы заметили, что для богослужебных текстов инципиты в Каталоге РГАДА как правило не приводятся (исключение составляют Молитвы Кирилла Туровского и некоторые иные). Почему выбран такой принцип? Для службы или последования инципит не будет показателен, для канона начало первого тропаря – тоже.

Описание в таблицах – выход возможный. Мной он применен для Прологов. Причина была следующей. В каталоге принят принцип постатейного описания, поэтому было бы странно увидеть в указателе произведений Житие мц. Февронии, представленное 1 л., и не увидеть те жития, которые входят в Прологи. Конечно, можно было бы расписать каждый Пролог постатейно, но что получилось бы в результате? Огромный объем материала, который трудно сравнивать. Поэтому было решено составлять таблицы (замечу, что последовательную роспись содержания каждой книги сделать было легче и быстрее: сиди и набирай).

Кстати, только представьте, что было бы, если бы Прологи описывались по принципу «аналогии»: т.е. выбрался бы один образцовый список, а для остальных указывались отличия. Сколько пришлось бы писать! Но было бы это понятно исследователю?¹³

Работая над каталогом, предпочитаю описывать однотипные рукописи вместе: тогда хорошо видно, что именно надо отмечать. Иногда возможна и корректировка «частных» принципов описания. Полагаю, что здесь составитель имеет определенную свободу.

9. Теперь перейду к наиболее «болезненным» темам. Мария Владимировна задала вопрос о пристатейной атрибуции. Давайте проясним, что здесь имеется в виду. Для меня атрибуция – это установление автора текста и названия произведения. Т.е. если написать, «Паренесис Ефрема Сирина, слово ..., выписка» или «Патерик Скитский поглавный, глава ...», «Пандекты Никона Черногорца, слово ...» и т.д. – то это будет **атрибуция** (но в этом случае и до РГ не далеко). А если в примечаниях к статье будет указано только то, где этот

¹³ Кстати, принцип расположения статей тот же, что и раскрытия содержания Кормчих особого состава: в каждом столбце памятники перечислены последовательно (а не просто есть – нет), т.к. порядок расположения статей, на мой взгляд, важен.

текст еще встречается, – это **не атрибуция!** И чему посвященную библиографию давать? Да тем более полную? Паренесису и Пандектам? Представляете, во что превратится каталог при таком подходе! Но и здесь мне не ясен один момент. Подобное «аннотирование» предполагается, вероятно, проводить лишь для некоторых текстов. А почему? О других тоже можно многое сказать.

Мария Владимировна спрашивала: «И что все же предпочтительнее: расписать лишь по заголовкам и инциптам тексты, оставив читателю самому догадываться, что за ними кроется, или провести по каждому тексту небольшое исследование, предоставив сведения о научном названии текста, посвященных ему исследованиях и его изданиях?».

Образ читателя, которой складывается на основе вопроса, такой. Это ученик старших классов школы или студент технического вуза, совершенно не знакомый с рукописной книжностью. Поэтому ему все надо объяснить.

Но если проводить исследование небольшого текста, то почему не надо проводить изучение содержания каждой рукописи в целом? Считаю, что подход должен быть **единым**.

И давайте представим, как исследователь читает каталог. Обычно он ищет только то, что ему нужно. Как книгу (т.е. с начала до конца) читают подобное издание слишком мало людей¹⁴. Поэтому пристатейная библиография и пр. «утяжеляет» текст, содержание рукописи становится «непрозрачным» и трудным для восприятия¹⁵.

Ну, и вопрос об «исследовании». Если хотите обеспечить работой детей и внуков – проводите: в этом случае работа растянется на десятилетия. Но вот в чем беда: подходы к описанию за это время могут измениться, и вашим детям придется все переделывать (да и библиография, которую надо учесть, добавится). Бесконечная работа!¹⁶

Именно поэтому в Каталоге РГАДА библиография дается выборочно, причем она относится не к памятнику, а к **рукописи**: т.е. ее датировке, записям, отдельным текстам.

10. О ссылках на издания. Приводить ссылки, где текст не точно такой, как в рукописи, значит сообщать исследователю ложную информацию. Считаю, что лучше никакой информации, чем неправильная¹⁷. К тому же просветительская функция не является задачей каталога!¹⁸ Сообщать исследователю, что текст конкретного жития или

¹⁴ Я знаю только А.А. Турилова.

¹⁵ Именно поэтому все замечания отношу в Дополнительные сведения.

¹⁶ Не лучше ли подготовить краткое описание, а цифровую копию выложить на сайт для всеобщего обозрения?

¹⁷ Так А.А. Турилов нашел в одной из рукописей БАН второй по древности список Востоковской легенды: по инципиту, а не по следующей за ней отсылке к ВМЧ.

¹⁸ Это Л.В. Столярова в «Своде записей» старалась «просвещать» читателей: пришла в восторг от новой информации и решила донести до всех. Жаль, что в процессе переноса что-то утратилось, а что-то искажилось.

слова содержится в ВМЧ (а это наиболее часто упоминаемый источник) – не уважать его: должен знать и сам.

Поэтому желание «дать читателю хоть какие-то сведения о тексте» хоть и понятно, но неверно. Не забывайте, что в первую очередь ваши описания читают специалисты, занимающиеся рукописной книжностью! Или думаете, они так мало знают? Но если действительно мало, то надо самим добывать информацию: в конечном итоге только полученная самостоятельно усваивается надолго!

Предлагаю выяснить, когда в БАН появилась традиция «помощи» читателю. Возможно, полученные выводы наведут на размышления. А не было ли это «типичным продуктом» советской эпохи, когда археографам, занимающимся рукописной книгой, приходилось постоянно подчеркивать нужность и полезность своих трудов, но при этом всячески затушевывать излишнюю «религиозность» материала?¹⁹

11. Если вы скажете, что декларируемые мной принципы свидетельствуют, что я не считаю описание исследованием, соглашусь полностью. **Описание не исследование!** Это совершенно особый вид работы: кропотливый, трудоемкий, иногда нудный процесс подготовки **справочника**. Хотите только исследовать – пишите статьи и монографии.

¹⁹ Кстати, именно поэтому «процветало» изучение старообрядчества: оно трактовалось как «социальный протест». А монография Я.Н. Шапова, посвященная каноническим памятникам, называлась «Византийское и южнославянское правовое наследие...».